

За рубежом. — 1994. — 8-14 апр. (№ 14). — С. 14.

Все Рушди мира

Жан-Мишель ДЕМЕЦ

«ЭКСПРЕСС», ПАРИЖ.

СТОЯ у окна своей квартиры в девятиэтажном доме в центре Дакки, она указывает на горизонт, где высится светлый куб, пересеченный тремя черными полосами. «Там, в мечети Байгул Мдкаррам, 18 ноября прошлого года многотысячная толпа требовала моей казни. По их мнению, я «сестра сатаны», «Рушди женского пола», — обреченно рассказывает Таслима Насрин. В чем же ее преступление? «Я осудила варварство, к которому исламский фундаментализм толкает мою страну».

Пять лет назад, еще при Хомейни, Иран назначил награду за голову британского гражданина индийского происхождения, виновного лишь в том, что он поверил в свободу писательского творчества. Над автором «Сатанинских стихов» Салманом Рушди все еще висит смертный приговор, и он вынужден скрываться. Но не один он оказался в подобном положении. Рушди недавно подчеркнул это, выступая в Страсбурге: «В исламском мире подвергаются преследованиям множество писателей, обвиняемых в тех же преступлениях, что и я». В Алжире и Бангладеш, в Пакистане и Египте интеллигенция стала излюбленной мишенью исламистов просто потому, что она ратует за открытый ислам, верит в то, что свобода творчества и демократия неотделимы от прогресса, выступает против курса на искоренение меньшинств. Пустив в ход фетвы (рекомендации авторитетных религиозных деятелей) и террористические акты, фундаменталистские движения объявили войну «приспешникам презренного Запада».

И, конечно, Таслима Насрин сделала все для того, чтобы навлечь на себя ненависть «бородачей». Врач по образованию, сменившая нескольких мужей, она осуждает в своих статьях и романах гнет, порку, побивание камнями, жертвами чего обычно становятся восточные женщины. Таслима подчеркивает табу, наложенное на женскую сексуальность. Потому-то исламисты Бангладеш, когда-то умеренные, а сейчас вставшие на путь радикализации, пылают гневом. Пресса интегрислов, требующая ныне смертной казни за «любые нападки на религию Пророка», считает эту «отступницу» своей главной жертвой. Особенно накалил страсти ее последний роман (всего их у нее 18) «Ладжа» («Позор»), опубликованный в феврале прошлого года. Таслима описала там преследования, которым подвергается индуистское меньшинство в Бангладеш, где ислам в 80-е годы был возведен в ранг господствующей религии. Ее книга, имевшая большой успех у читателей, запрещена правительством. Мало того, у писательницы отобрали паспорт. Осенью прошлого года «Совет воинов спутников Пророка» издал фетву, приговаривавшую ее к смерти. Помимо казни Таслимы, манифестанты потребовали ареста 80-летней бенгальской поэтессы Суфии Камал, также ратующей за права женщин и светские обычаи. «Кому-то нужно будить наше общество», — говорит Т. Насрин.

Исламисты в Бангладеш считают дело Таслимы Насрин поводом для разжигания уличных манифестаций и укрепления своего контроля над запуганным правительством. А вот их единомышленники в Алжире настроены куда более радикально. «Жизнь алжирского интеллигента стоит от 300 до 400 франков — таков тариф на заказное убийство», — говорит один из ведущих алжирских романистов, Рашид Мимун. По сообщениям сил порядка, вот уже год от рук террористов постоянно гибнут журналисты и писатели. Началось это после убийства 26 мая 1993 года Тахара Джауга, автора вышедшей в парижском издательстве «Сэй» книги «Стража», в которой он осуждал несправедливых судей и ханжей, что нередко одно и то же. Весь цвет алжирской литературы фигурирует в «черных» списках, вывешенных в мечетях. Для многих будущее представляется в виде альтернативы — либо чемодан, либо гроб. «Наш долг — противодействовать ежедневному уничтожению мысли», — говорит писатель Рашид Буджедра. — Самоцензура или отказ от творчества для писателя равносильны самоубийству». Сам романист ушел в подполье: он вооружен и живет в условиях чрезвычайного положения. «Тому, кто тверд в убеждениях, надо показать родине пример, дать ей возможность

Рис.
«Фигаро»,
Париж.

приобщиться к современному сознанию, зреющему в ней».

Является ли положение в Алжире исключением из правил? На берегах Нила поэты и писатели тоже видят надвигающуюся угрозу. Естественно, положение в Египте пока еще не сравнимо с кризисом в Алжире, а также с ситуацией в Саудовской Аравии, где 3 сентября 1992 года был публично казнен за «богохульство и отречение от веры» поэт Садык Мелалла. Но есть и бесспорные свидетельства. Журналист и открытый сторонник светских порядков Фараг Фода был убит два года назад на каирской улице, согласно фетве муфтия интегрисловской организации «Аль-Джихад».

После этого случая египетская интеллигенция стала объектом постоянных угроз, не всегда явных, но все более настойчивых. «Они разрушают Египет, ислам, цивилизацию». Мохаммед Саид Аль-Ашмауи рисует ситуацию самыми черными красками. Этот бывший судья и автор книги «Исламизм против ислама» уже 15 лет осуждает толкование Корана интегрислами. «Братья-мусульмане» решили принудить его к молчанию «любимыми средствами». Сегодня он заперся в своей каирской квартире под охраной трех полицейских, но продолжает бороться за возрождение гуманного ислама. Романист Алла Хамид приговорен к восьми годам тюремного заключения (правда, условно) за критику ислама, а известному интеллектуалу Насар Абу Зейду было отказано в повышении по службе под предлогом, что его труды оскорбляют религию. Кроме того, исламисты затеяли против него судебную тяжбу по обвинению в отступничестве.

Однако сопротивление существует и в этом мире, где каждое свободное

слово — уже победа. В одной из пьес блестящий драматург Карим Аль-Рауи рассказывает об арабском поэте X века Халладже, распятом за ересь. В тюрьме он ведет с религиозными властями спор о том, кому принадлежит язык. Пьеса написана на классическом арабском языке, а потому вызвала гнев муфтиев, ибо классический арабский язык, на котором написан Коран, принадлежит Аллаху. Аль-Рауи решил тем не менее поставить пьесу, хотя актеры отказывались в ней играть — слишком это было опасно. Ведь шейх Газзали, духовный вождь интегрисловской организации «Аль-Гамаа-аль-исламия», обнародовал фетву, где ратует за казнь нераскаившихся «отступников». Термин «отступничество» в настоящее время носит весьма расплывчатый характер...

Лауреат Нобелевской премии египетский писатель Нагиб Махфуз подтвердил, конечно, свою приверженность свободе творчества. Но, движимый осторожностью и почти страхом, согласился переработать роман «Сыновья Медины», опубликованный в 60-е годы и представляющий собой сатиру на пророков. Молчание самого выдающегося представителя растерянной египетской интеллигенции говорит о ее неспособности противодействовать исторической трагедии. На фоне продажного, неуверенного в своем курсе правительства и отсутствия общественного мнения писатели оказались диссидентами в стране ислама. Многие из них промолчали, когда разразилось дело Рушди. Сегодня же около сотни из них подписали коллективный труд в его защиту — книгу «За Рушди», вышедшую в Париже. Но, быть может, уже слишком поздно...